

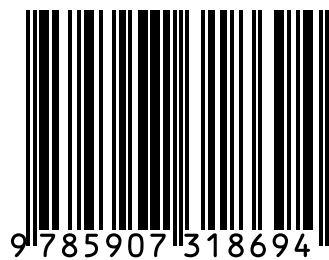
Валдай | Международный
дискуссионный клуб

Мир без сверхдержав

Олег Барабанов, Тимофей Бордачёв,
Ярослав Лисоволик, Фёдор Лукьянов,
Андрей Сушенцов, Иван Тимофеев

Данный текст отражает личное мнение автора или группы авторов, которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.

ISBN 978-5-907318-69-4

© Фонд развития и поддержки Международного
дискуссионного клуба «Валдай», 2022

Российская Федерация, 127051, Москва,
Цветной бульвар, дом 16/1

Об авторах

Барабанов Олег Николаевич

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; профессор МГИМО МИД России; профессор РАН

Бордачѐв Тимофей Вячеславович

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

Лисоволик Ярослав Дмитриевич

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; член Бреттон-Вудского комитета

Лукьянов Фѐдор Александрович

Руководитель авторского коллектива; директор по научной работе Фонда клуба «Валдай»; главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»; председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике; профессор-исследователь НИУ ВШЭ

Сушенцов Андрей Андреевич

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; декан факультета международных отношений МГИМО МИД России

Тимофеев Иван Николаевич

Программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»; программный директор Российского совета по международным делам

Содержание

3	Введение
4	Имперские принципы
9	Антимонопольный запрос
11	Демократизация и её последствия
13	Неоптимальный «холодный мир»
15	Как ценности и интересы погубили друг друга
17	После конца «конца истории»
18	Распределённый мир

Введение

Когда наиболее мрачные прогнозы оказываются наиболее точными, их авторы испытывают двойственные чувства. Чем глубже удовлетворение от собственной прозорливости, тем тревожнее, что дальше. С 2018 года Валдайский клуб предупреждал¹ об ускоряющихся процессах полного осыпания мировой политико-экономической системы, международного порядка, сложившегося как совокупность институтов во второй половине XX века и продолжавшего существовать в нынешнем столетии, правда, во всё более деформированном виде.

Кризис глобализации, этой универсальной рамки мирового развития, начался ещё в 2000-е годы. Пандемия доказала, что глобализация, как её понимали с 1980-х годов, вполне обратима. Разразившийся в 2022 году военно-политический кризис в Европе, чрезвычайно опасный и мало предсказуемый рецидив соперничества крупнейших держав, затронул большую часть мира и подвёл черту под моделью отношений, в основе которой лежало представление о взаимозависимости как о благе.

Степень участия разных игроков в нынешнем международном катаклизме варьируется. Многие стараются понадежнее дистанцироваться от ожесточённого противостояния России и коллективного Запада во главе с США, поводом для которого стал украинский вопрос. Однако ни у кого нет сомнений, что происходящее – не просто региональный конфликт и даже не спор, кто из основных действующих лиц займёт более высокое место в международной иерархии. Речь о том, сохранится ли сама эта иерархия в привычном для нас виде, а если да, то, как она может быть устроена.

Непосредственные причины текущих острых проблем международной безопасности – предмет отдельной работы. Как и попытки предугадывать, чем он завершится, – сегодня это представляется и вовсе преждевременным. Но рискнём предположить, какие принципы могут лечь в основу будущей системы всемирного общежития, а какие точно нужно оставить в прошлом. Новая система непременно сложится на одном из следующих (вряд ли ближайшем) этапов мировой политики.

¹ См., например: Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Жизнь в осыпающемся мире. Ежегодный доклад клуба «Валдай» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 15.10.2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/zhizn-v-osypayushchemsya-mire/>, а также: Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Не одичать в «осыпающемся мире» // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 14.05.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/ne-odichat-v-osypayushchemsya-mire/>

Имперские принципы

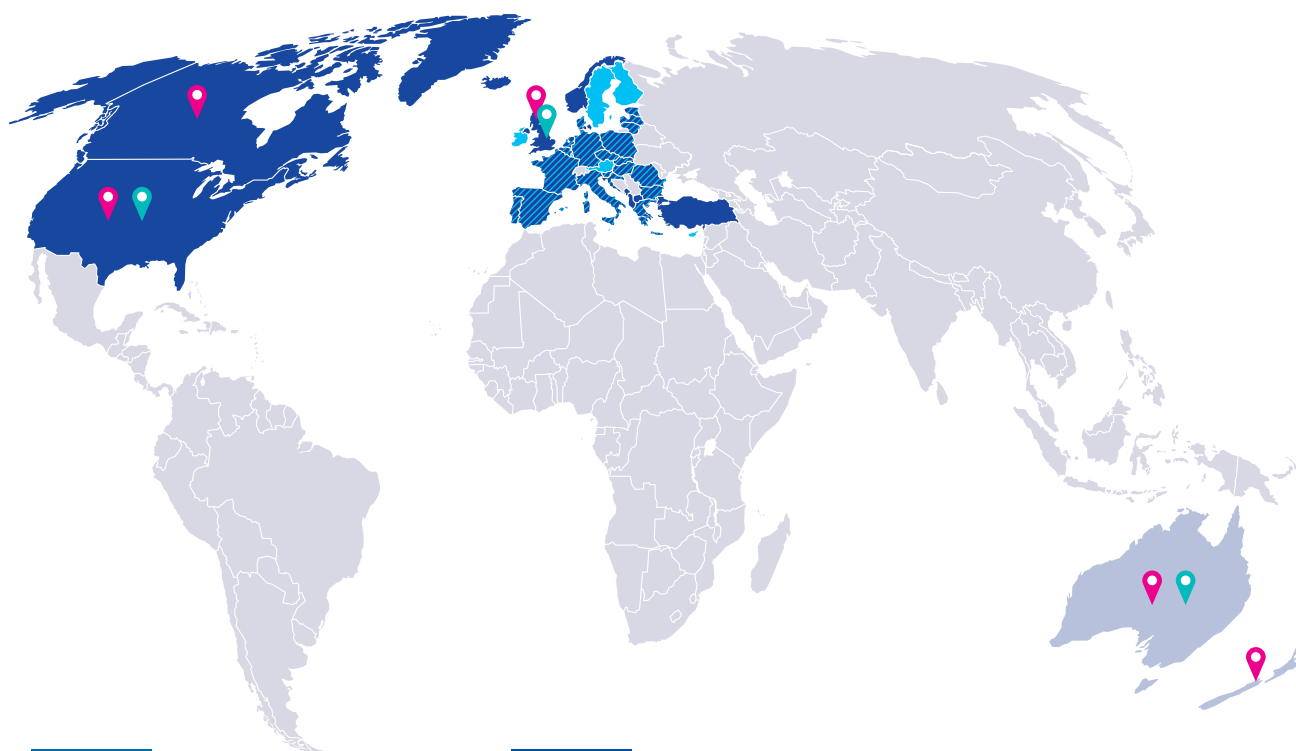
Международная система после Второй мировой войны, наиболее привычная для большинства в силу своей относительной простоты, предусматривала наличие специфического феномена – сверхдержав. Особенностью мира, в котором главенствовали сверхдержавы, была способность крайне ограниченного круга особо мощных государств напрямую или опосредованно – через институты, правила и деньги – контролировать остальных. И устанавливать базовые нормы их поведения.

На протяжении холодной войны в таком качестве выступали Соединённые Штаты и Советский Союз. Они были не только окружены группой союзников-сателлитов, но и предоставляли достаточно широкому спектру стран средства, необходимые для развития. Международные институты, возникавшие после Второй мировой войны, создавали для этого необходимую инфраструктуру. После 1991 года и самороспуска СССР монопольное положение единственной сверхдержавы заняли США – лидер так называемого «либерального мирового порядка». В его рамках и распределялись ресурсы, в значительной степени посредством важнейших международных институтов (Всемирный банк, Международный валютный фонд, до определённой степени и ООН, в текущем функционировании которой ведущая роль принадлежит Соединённым Штатам, – все они даже физически находятся на американской территории). С 2013 года движение к похожему статусу начал Китай, предложивший концепцию «Пояса и пути» как часть более широкой философской доктрины «Сообщество единой судьбы».

Показатель сверхдержав – наличие военных возможностей. Однако его не стоит считать определяющим. Например, ядерные силы не могут играть решающей роли в международном управлении – именно за счёт уникального характера такого вида вооружений. Да и обширный опыт использования обычных вооружённых сил после Второй мировой войны демонстрирует ограниченную эффективность данного инструмента, в первую очередь для крупнейших стран. Важнее – их способность создавать ту самую политико-экономическую инфраструктуру, участие в которой (и, соответственно, соблюдение её правил) воспринимается как абсолютная ценность. Через регулирование доступа к инфраструктуре устанавливается и иерархия.

Такой международный порядок пришёл в середине XX века на смену классическому «балансу сил» предшествующих эпох. В его рамках группа европейских империй, включая Россию, взаимодействовала друг с другом и с остальными странами и народами почти исключительно при помощи военной силы. «Баланс сил» подразумевал постоянные войны для его «уточнения».

КРУПНЫЕ МЕТАРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ ЗАПАДА

НАТО

Албания	Нидерланды
Бельгия	Норвегия
Болгария	Польша
Великобритания	Португалия
Венгрия	Румыния
Германия	Северная Македония
Греция	Словакия
Дания	Словения
Исландия	США
Испания	Турция
Италия	Франция
Канада	Хорватия
Латвия	Черногория
Литва	Чехия
Люксембург	Эстония

ЕС

Австрия	Нидерланды
Бельгия	Польша
Болгария	Португалия
Венгрия	Румыния
Германия	Словакия
Греция	Словения
Дания	Финляндия
Ирландия	Франция
Испания	Хорватия
Италия	Чехия
Кипр	Швеция
Латвия	Эстония
Литва	
Люксембург	
Мальта	

Пять глаз

Австралия
Великобритания
Канада
Новая Зеландия
США

AUKUS

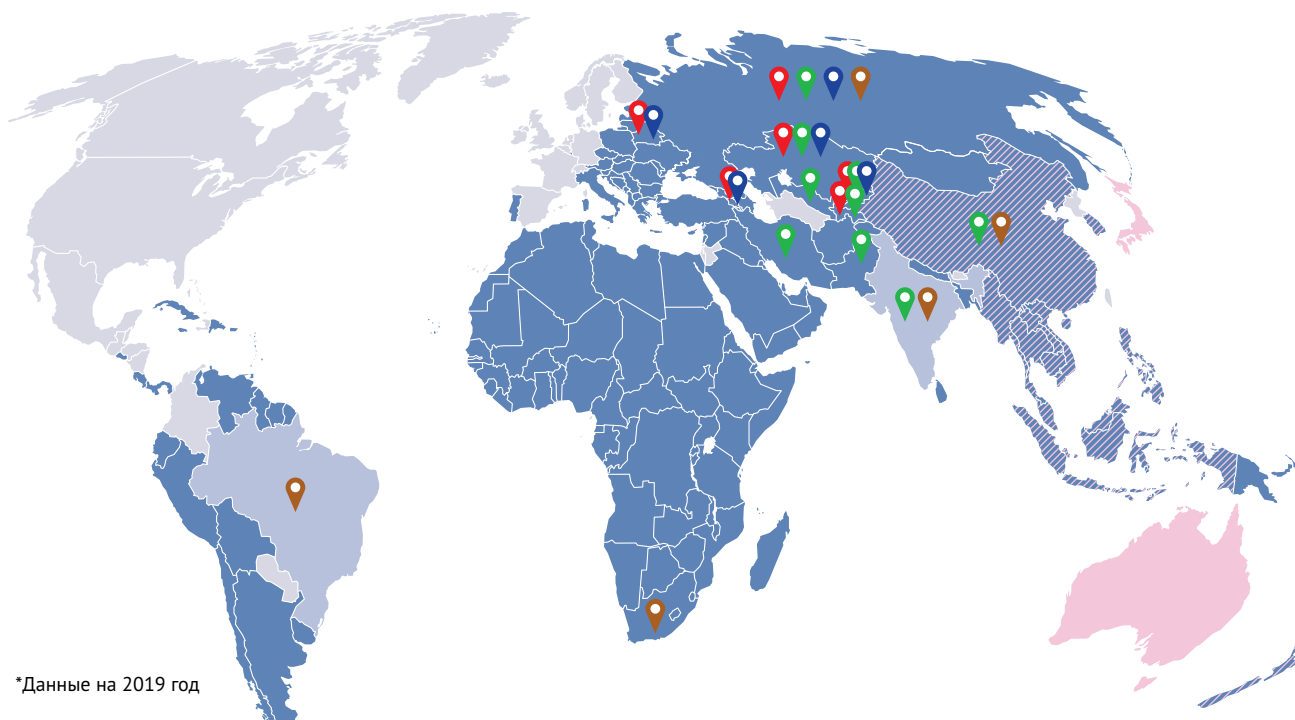
Австралия
Великобритания
США

НАТО и ЕС

Распад европейских империй в период 1918–1991 годов привёл к возникновению многочисленных малых и средних государств, не обладавших силовыми ресурсами и технологиями для самостоятельного развития. Это повышало спрос на «услуги» сверхдержав как патронов. В течение второй половины XX века среди мировой общественности постепенно выделялась группа стран-лидеров по демографическим показателям – Китай, Индия, Бразилия, Индонезия, Турция, Иран, ЮАР и ряд других. Однако вплоть до начала XXI века все поднимающиеся государства

КРУПНЫЕ МЕТАРЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ НЕ-ЗАПАДА

*Данные на 2019 год

«Один пояс и один путь» (Китай)

- КИТАЙ, Азербайджан, Армения, Афганистан, Бангладеш, Бахрейн, Бруней, Восточный Тимор, Вьетнам, Грузия, Индонезия, Ирак, Иран, Казахстан, Камбоджа, Катар, Кипр, Киргизия, Кувейт, Лаос, Ливан, Малайзия, Мальдивы, Монголия, Мьянма, Непал, ОАЭ, Оман, Пакистан, Саудовская Аравия, Сингапур, Сирия, Таджикистан, Таиланд, Турция, Узбекистан, Филиппины, Шри-Ланка, Южная Корея
- Алжир, Ангола, Бенин, Ботсвана, Буркина-Фасо, Бурунди, Габон, Гамбия, Гана, Гвинея, Гвинея-Бисау, Джибути, Египет, Замбия, Западная Сахара, Зимбабве, Кабо-Верде, Камерун, Кения, Коморы, ДР Конго, Республика Конго, Кот-д'Ивуар, Либерия, Ливия, Мавритания, Мадагаскар, Малави, Мали, Марокко, Мозамбик, Намибия, Нигер, Нигерия, Руанда, Сейшельские острова, Сенегал, Сомали, Судан, Сьерра-Леоне, Танзания, Того, Тунис, Уганда, ЦАР, Чад, Экваториальная Гвинея, Эритрея, Эфиопия, ЮАР, Южный Судан
- Австрия, Албания, Белоруссия, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Греция, Италия, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Молдавия, Польша, Португалия, Россия, Румыния, Северная Македония, Сербия, Словакия, Словения, Украина, Хорватия, Черногория, Чехия, Эстония
- Вануату, Кирибати, Ниуэ (Новая Зеландия), Новая Зеландия, Острова Кука (Новая Зеландия), Папуа – Новая Гвинея, Самоа, Соломоновы Острова, Тонга, Федеративные Штаты Микронезии, Фиджи
- Антигуа и Барбуда, Барбадос, Гренада, Доминика, Доминиканская Республика, Коста-Рика, Куба, Панама, Сальвадор, Тринидад и Тобаго, Ямайка
- Аргентина, Боливия, Венесуэла, Гайана, Суринам, Уругвай, Чили, Эквадор, Перу

Всестороннее региональное экономическое партнёрство

Япония	Лаос
Китай	Малайзия
Республика Корея	Мьянма
Австралия	Филиппины
Новая Зеландия	Сингапур
Бруней	Таиланд
Камбоджа	Вьетнам
Индонезия	

ОДКБ

Армения
Белоруссия
Казахстан
Киргизия
Россия
Таджикистан

ШОС

Индия
Иран
Казахстан
Киргизия
Китай
Пакистан
Россия
Таджикистан
Узбекистан

ЕАЭС

Армения
Белоруссия
Казахстан
Киргизия
Россия

БРИКС

Бразилия
Россия
Индия
Китай
ЮАР

формально или фактически оставались в рамках сферы влияния сверхдержав – сначала двух, а затем одной.

Подчеркнём: статусом сверхдержавы, как мы его понимаем, обладает только такое государство, с которым значительная группа других стран связывает решение задач, необходимых для их выживания в хаотическом международном окружении. В каком-то смысле это имперский мировой порядок, но власть осуществляется не примитивным принуждением, а через набор инструментов, делающих подчинение центру выгодным. И поэтому практически безальтернативным.

Российский пример здесь показателен. После того как в 1991 году Россия утратила собственную (советскую) системообразующую роль, её отношения с Западом базировались на следующем убеждении: российский интерес участвовать в западоцентричной мировой системе существенно более значим, чем интересы Москвы в сфере обеспечения своей безопасности. К данному обстоятельству все привыкли и стали воспринимать (особенно на Западе) как нечто само собой разумеющееся. Отсюда почти революционный характер событий 2022 года: Россия стала первой крупной державой, которая, руководствуясь собственными представлениями о безопасности и справедливости, решила отказаться от благ «глобального мира», создаваемых единственной сверхдержавой (США). Выгоды, из них извлекаемые, были расценены Кремлём как слишком рискованные – политико-экономическая интеграция в систему всеобщей взаимозависимости накладывает избыточные ограничения на свободу действий государства.

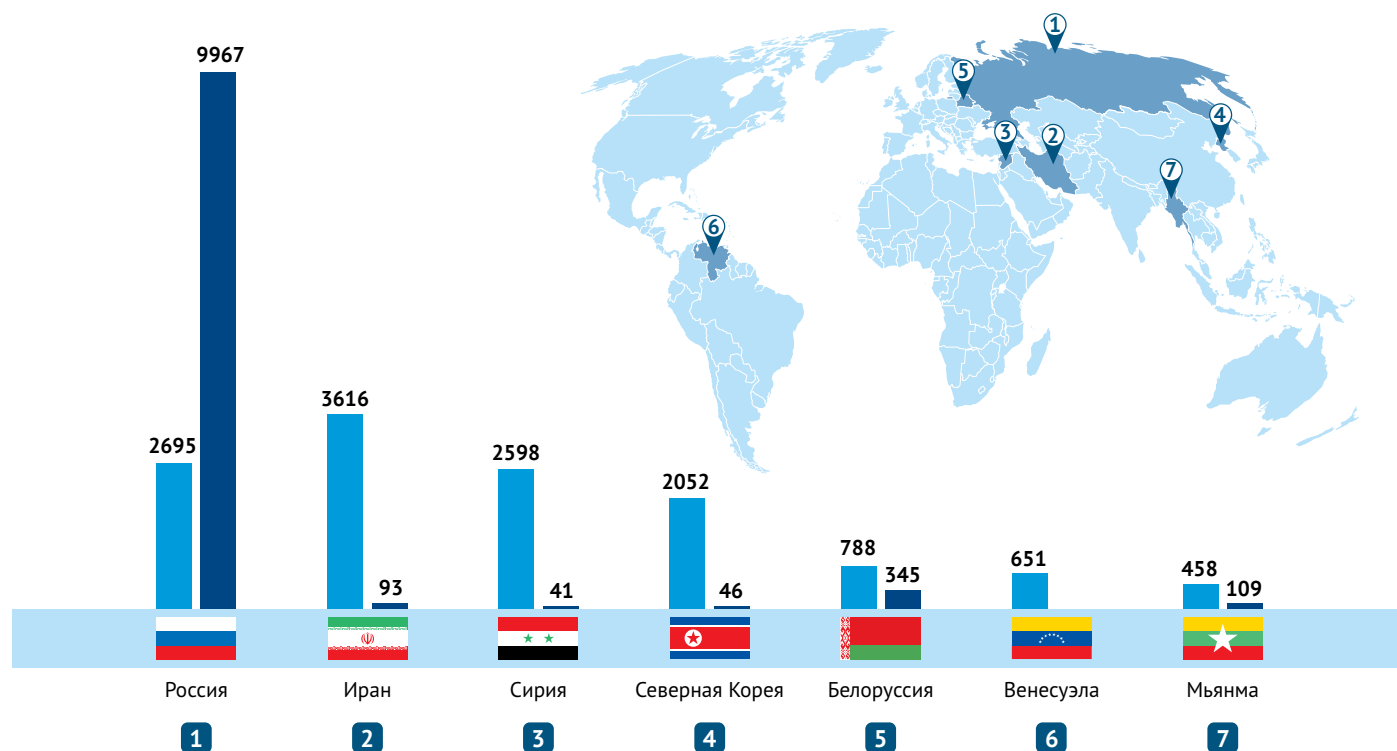
У России своя история отношений с Западом, которая отражается на принимаемых решениях, но указанная проблема начинает беспокоить и другие страны. Инициировав заморозку российских золотовалютных резервов, американцы запустили цепную реакцию сомнений в подлинной «глобальности» мировой экономики, защищённости финансовых активов стран на зарубежных рынках. А жёсткая «чистка» российской собственности, в том числе частной, за рубежом, продемонстрировала, что западные юрисдикции готовы при необходимости следовать не нормам законодательства, а политической целесообразности. Глядя на пример России, другие страны задумались, а не стоит ли им снизить риски и позаботиться о защите своих финансовых активов?

В Соединённых Штатах осознают, что их ставки в этой игре сопоставимы с российскими, может быть, даже выше. На кону судьба доллара как ключевой мировой резервной валюты, а это стержень всей глобальной экономики образца последних десятилетий. В её логике ключевые производители ресурсов и товаров – Россия и Китай – обменивали свои физические товары на американскую валюту и складывали её в западных банках явно не для того, чтобы они оказались замороженными.

СТРАНЫ, ЛИДИРУЮЩИЕ ПО КОЛИЧЕСТВУ ВВЕДЁННЫХ ПРОТИВ НИХ САНКЦИЙ

Количество международных санкций, введенных во всем мире по состоянию на 12 октября 2022 года, по целевым странам

До 22 февраля 2022 года После 22 февраля 2022 года

Источник: www.statista.com

Для стран, которые ценят внешнеполитическую самостоятельность, встаёт вопрос: где именно и в какой форме хранить избытки своих ресурсов? Имеет ли теперь смысл вкладывать их в облигации государственного займа США и держать в западных банках? Или разумнее инвестировать в активы, которыми можно суверенно распоряжаться, невзирая на то, кто что думает про твою внешнюю или внутреннюю политику. Если выбор будет сделан в пользу второго, это подхлестнёт процесс создания альтернативных механизмов². Что поспособствует дальнейшей эрозии сверхдержавного порядка.

² Таких, как, например, создание новой резервной валюты стран БРИКС (так называемый механизм R5, сформулированный Валдайским клубом в 2017 году. См. по теме: Лисоволик Я. Монетизация БРИКС+: инициатива R5 // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 01.09.2017. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/monetizatsiya-briks-r5/>).

АНТИМОНОПОЛЬНЫЙ запрос

Наиболее очевидным проявлением кризиса сверхдержавия стали сбои в экономическом базисе глобального устройства. Эффективность, открытая конкуренция, действенность экономических правил, транспарентность компаний, устойчивость и передовые позиции западных экономик – все эти лозунги 1990-х годов не выдержали проверку временем. С 2000-х мировая экономика всё чаще начала сталкиваться с мощными кризисами, эпицентрами которых становились то США, то Европа. На этом фоне набирали обороты усилия развивающихся стран создать собственные механизмы экономической взаимопомощи, которые позволили бы защитить экономики Глобального Юга от кризисных волн, исходящих от развитых стран. Подчеркнём: развитые страны, которые предполагались в качестве носителей всеобщих благ для глобальной системы, превратились в источник опасных издержек для неё.

Первым и самым мощным кризисом, который разразился в развитом мире за последние десятилетия, стал ипотечный кризис 2008 года, сугубо рукотворный внутриамериканский катаклизм. На рост долга домохозяйств наложился фактор повышения ключевой ставки Федеральной резервной системой. Снижение цен на недвижимость и падение финансовых рынков привели к масштабному спаду, который спровоцировал экономический спад в глобальном масштабе. Следующим раундом стал кризис суверенного долга европейских стран на фоне существенного превышения государственного долга ряда государств ЕС критической отметки в 100 процентов ВВП. Немалую роль в нём сыграла непрозрачность фискальной статистики ряда стран – участниц Евросоюза, а также систематический отход от установленных ранее бюджетных правил (Маастрихтских критериев, которые устанавливали предельные значения для бюджетного дефицита и государственного долга на уровне не более 3 процентов ВВП и 60 процентов ВВП соответственно).

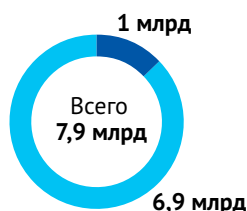
Не удалось добиться и свободы торговли в глобальном масштабе. Вместо этого на протяжении нескольких десятилетий мировая экономика сталкивается с явлениями протекционизма. Всемирная торговая организация (ВТО) бессильна перед лицом ужесточения ограничительных мер со стороны развитых стран, в том числе в контексте санкционных ограничений. Орган урегулирования споров ВТО несколько лет не может полноценно функционировать из-за отказа США назначать новых судей в арбитражный орган ВТО. Отчасти позиция может быть связана с тем, что на фоне растущего

СТАТИСТИКА СТРАН ЗАПАДА И НЕ-ЗАПАДА

■ Запад ■ Не-Запад

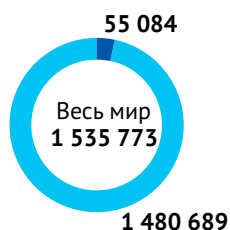
Население

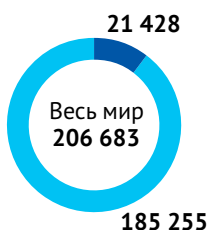
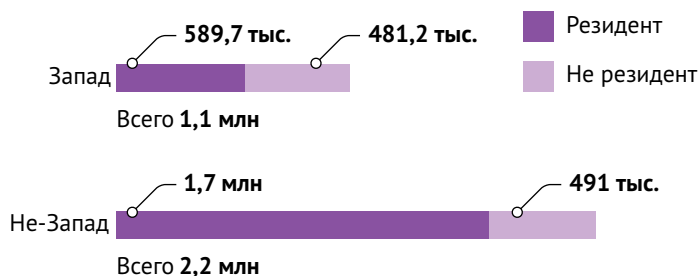
Источник: ООН, 2022

Размер экономики
ВВП (текущий в долларах США)

Источник: Всемирный банк

Доказанные
запасы нефти
(млн баррелей)

Источник: ОПЕК, 2021

Доказанные запасы
природного газа
(млрд кубометров)Количество
зарегистрированных
патентов

Источник: WIPO, 2021

протекционизма и потери конкурентоспособности в традиционных отраслях промышленности американцы всё чаще терпели поражение в Органе урегулирования споров.

Ограничение конкуренции в рамках мировой экономики было следствием не только растущего протекционизма, но и монополизации ряда ключевых и системных для глобального хозяйства отраслей. Это прежде всего касается платёжных систем и международных расчётов, которые осуществлялись преимущественно в одной валюте (долларах США) и в рамках платёжных систем, представленных почти исключительно американскими и западноевропейскими компаниями. Вердикты относительно степени рискованности инвестиций в рыночные активы выносили по большей части три западных рейтинговых агентства. Отсутствие альтернатив и монополизация целых сегментов мировой экономики приводили к системным рискам – так,

накануне долгового кризиса в Европе, суверенный рейтинг ряда европейских стран с высоким уровнем долга был установлен тройкой рейтинговых агентств на уровне высшей категории «А».

Проблемы с отчётностью, финансовой стабильностью крупнейших компаний проявились как в финансовом, так и в реальном секторе. В финансовом одним из детонаторов кризиса 2008–2009 годов стало банкротство компании *Lehman Brothers*, жертвами пали и другие гиганты с Уолл-стрит, такие как *Bear Stearns*. В реальном секторе скандал с компанией *Enron*, который разразился в 2001 году, вскрыл проблемы «серой отчётности» (сокрытие убытков с использованием сторонних инвестиционных фондов) и корпоративного управления.

Естественно, подобные изъяны имели и имеют место не только в развитых странах Запада. Однако именно эти страны выступали законодателями мод в глобальной экономике, обладали максимальными возможностями на неё влиять и претендовали на монополию «образцового корпоративного управления». Эффект от злоупотреблений ощущала вся международная система.

Мировая экономика не распадётся на части и не утратит внутреннюю связность, несмотря на исчерпание прежней модели глобализации. Но прежней она точно не будет. По итогам кризиса неизбежно возникнут новые экономические структуры. Они не будут столь взаимозависимыми, поскольку взаимозависимость рассматривается теперь как риск, а не как возможность. Но позволят осуществлять оптимальный, с точки зрения балансов интересов сторон, экономический обмен. Система потребует и другого политического оформления – вертикальное управление процессами из центра-гегемона невозможно.

Демократизация и её последствия

Оценивать результаты российской военной операции на Украине преждевременно, однако само решение её провести симптоматично. Оно не в последнюю очередь связано с тем, что перспективы описанного «имперского» миропорядка более не выглядят стабильными. И перемены предстоят крайне болезненные.

Упадок сложившейся за последние пару десятилетий модели международных связей обусловлен двумя встречными процессами. Запад в силу внутренних причин теряет способность поддерживать «свой» порядок в мировом масштабе. Теперь главная задача – сохранить сплочённость рядов ближайших союзников, его (Запад) составляющих. Одновременно возможности развивающихся стран расширяются благодаря их собственным достижениям или появлению альтернативных источников. То есть развитые страны

Запада могут всё меньше предложить развивающимся (и всё меньше хотят это делать, ведь пример Китая принёс США разочарование – вместо верного партнёра они своими руками взрастили опасного конкурента). А развивающиеся, в свою очередь, не видят смысла в дальнейшем подчинении, если оно не помогает решать наиболее важные их проблемы.

Международно-политическим следствием является рост самосознания государств, демократизация международных отношений, которую трудно было вообразить в начале 1990-х годов. Тогда признание безальтернативности западного пути было практически консенсусом. Тридцать лет постепенно слабеющего американского лидерства стали переходным периодом от «мира империй» с универсалистским подходом к «миру государств». Но как обеспечить жизнеспособность такого количества суверенных юрисдикций разного масштаба, если у многих из них попросту отсутствуют ресурсы для элементарной самодостаточности? Пресловутая многополярность сама по себе гарантирует только одно – отсутствие эффективного иерархического управления.

Из исторического опыта многих стран известно – падение всякого авторитарного режима, замена его демократической формой организации общества и государства неизбежно сопровождается потрясениями. Демократии редко способны быстро установить стабильность на уровне, который, как правило, может дать авторитарное правление. То же относится и к международной системе. США выступали в роли гаранта определённого набора правил, пусть они далеко не всех устраивали. Как обеспечивать безопасность и развитие в мире без гегемона? Немало стран ощущают неуверенность на фоне обрушения прежнего мирового порядка. Существование в определённой нише пищевой цепочки во главе с Западом многими ощущалось как вполне комфортное.

Правда, нет примеров стран, которые смогли бы преодолеть ловушки застревания на уровне развития, установленном системой в качестве потолка для участников без решающего голоса. Это касается как экономики, так и политики. Например, необходимость всегда голосовать в ООН определённым образом ничем структурно не отличается от необходимости экспортировать только один вид товаров или услуг.

Лидеры сверхдержавного международного порядка осознают множасьщиеся вызовы. Нельзя исключать попытку отыграть назад, чтобы восстановить часть прежних механизмов. Скажем, для Вашингтона в какой-то момент принципиальной станет задача разорвать российско-китайскую экономическую связку, способную раскачать устойчивость американоцентричного экономического порядка. Для этого потребуются снятие части санкций с России. А риски возникновения альтернативных международных эконо-

мических структур и невозможность, несмотря на интенсивное давление, свести на нет российское присутствие в европейской экономике свидетельствуют в пользу вероятного смягчения мер по изоляции России. Это касается сфер энергетического, продовольственного обмена, разорванных сейчас производственных цепочек, покупок незаменимых российских товаров и природных ресурсов. В перспективе, вероятно, нормализуется также транспортное сообщение, включая авиационное. Это экономически целесообразно для всех и приведёт к новому «холодному миру». Но даже такая (пока совсем не гарантированная) нормализация не остановит процесс фундаментальной перестройки международной системы на других основаниях.

Неоптимальный «ХОЛОДНЫЙ мир»

Соединённые Штаты утрачивают статус сверхдержавы, поскольку сейчас способны распространить его возможности только на своих ближайших контрагентов, да и то в случае их интеграции в наиболее узкий круг привилегированных получателей выгод. В отношении всех остальных Запад вынужден прибегать к мерам прямого силового давления – угрозы санкциями или их применением. Примеры такого рода даёт не только политика и экономика, но и, скажем, сфера борьбы с изменением климата, а также культура, где западный прогрессизм пытается диктовать условия представителям других культурно-этических сообществ.

Попытка консолидации вокруг США силовых возможностей стран Запада – естественная реакция на сокращение внутренней материальной основы их военно-политического могущества. Эта консолидация будет, по всей видимости, сталкиваться с препятствиями в виде особой позиции некоторых стран, например, Германии или Франции, которые попытаются, оставаясь участниками союза, сохранить место в ряду самостоятельных великих держав. Что, однако, кажется невозможным в обозримой перспективе.

Как бы то ни было, без ответа остаётся вопрос о международном управлении в условиях такого разнообразия самостоятельных игроков, большинство которых вряд ли смогут автономно развиваться. Что произойдёт на следующем витке? Массовое обнищание значительной части человечества, оказавшейся не в состоянии обеспечить развитие в остро неблагоприятных условиях? Собираение суверенных пока государств в состав новых империй? Или выработка какого-то нового формата взаимодействия на международной арене?

Стремиться надо, конечно, к последнему. В этом свете особенно важную роль обретают державы среднего масштаба – они олицетворяют собой демократизацию мировой политики (Бразилия, Вьетнам, Индонезия, Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Узбекистан, ЮАР, Южная Корея и многие другие). Обладая ресурсом, достаточным для проведения независимой линии, и большей гибкостью, чем менее поворотливые гиганты, они способны выполнять функцию амортизаторов в периоды самой интенсивной тряски. Не случайно в Вашингтоне, Москве и Пекине наиболее внимательно следят за странами этого ряда.

Можно предположить, что в рамках нового международного порядка именно такие государства займут значимое место между самыми влиятельными в плане совокупных силовых ресурсов (великими) державами (США, Китай, Россия, Индия, возможно, Германия) и массой слабых и нежизнеспособных стран. Часть последних будет, весьма вероятно, делегировать суверенитет и включаться в объединения, ведомые крупнейшими державами, в том числе в рамках региональных экономических блоков.

Происходящее в Европе, чем бы ни закончился нынешний конфликт, не определит мировую расстановку сил, однако станет важным индикатором направления развития. По крайней мере, на этапе, ближайшем после острой фазы кризиса, система безопасности в Европе и в мире будет базироваться на взаимной враждебности. Но на том её прочтении, которое исключает напористое провоцирующее поведение. Последнее возможно лишь в ситуации, когда никто не верит, что другая сторона ответит.

К примеру, в последние годы по периметру западных границ России постоянно наблюдались опасные эпизоды, будь то рискованные манёвры военных судов, сближения военных самолётов, внеплановые учения и другие провокации. После 24 февраля вся подобная «дразнящая» военная деятельность вдоль российских границ резко прекратилась, всё стало предельно серьёзно. Уверенности в отсутствии встречных акций среди стран НАТО (а именно этот альянс олицетворял прежний порядок в сфере безопасности) больше нет. И хотя официально объявлена цель заставить Россию заплатить максимальную цену за её действия, что выражается в массированных поставках вооружений на Украину, это вряд ли остановит Москву и другие потенциальные объекты военно-политической экспансии от жёсткого реагирования в будущем.

С одной стороны, новая обстановка повлечёт рост военных расходов европейских государств и изменение географии передового базирования сил и средств НАТО. Они станут ближе к российским границам. С другой,

должна вернуться и повышенная ответственность за применение этих сил и средств. Любой инцидент способен воспламенить кризис, который идёт вразрез с жизненно важными интересами государств Европы. Результатом работы системы сдержек и противовесов, вероятно, станет «холодный мир» – лучший из возможных на сегодня. Термин «мирное сосуществование» слишком привязан к определённой исторической эпохе, чтобы точно отражать современность, однако по сути нас ожидает нечто подобное.

Это, однако, не оптимальный, а вынужденный и весьма неустойчивый тип организации мирового общежития. Точнее – необходимая предпосылка для того, чтобы на основе осмотристельности и взаимной сдержанности начать выработку новой системы отношений. Какой она может быть? Прежде чем высказать предположение на этот счёт, следует понять, на какой ценностной основе её предстоит строить.

Как ценности и интересы погубили друг друга

Идея «конца истории», которая стала эмблемой эпохи «либерального мирового порядка», – кульминация большой интеллектуальной традиции. Она представлена, прежде всего, двумя модернистскими политическими теориями – либерализмом и социализмом. В основе обеих – вера в безграничную силу и нормативную ценность человеческого разума. Модернистские теории допускали достижение некоего идеала, в котором общество будет работать как отлаженный и рационально устроенный часовой механизм, раскрывающий творческую природу человека и отсекающий её иррациональные и разрушительные стороны. Достижение идеала и мыслилось в качестве «конца истории» или, по крайней мере, её перехода в новое качество.

Закономерно, что эпоха сверхдержав, то есть тех, кто претендовал на общемировое доминирование, опиралась именно на эти идейно-ценностные основания. Во время холодной войны противостоящие сверхдержавы предлагали миру свой путь к идеалу, каждая считала его универсальным, то есть подходящим для всех. После холодной войны универсализм усугубился, став безальтернативным, – на арене осталась всего одна сверхдержава. **Во-первых**, её выживание на фоне исчезновения оппонента было расценено как свидетельство исторической и моральной правоты. **Во-вторых**, иерархия с единым центром, «благожелательным гегемоном», представлялась оптимальной схемой для обеспечения всеобщей безопасности, организации

вокруг лидера международного сообщества, «порядка, основанного на правилах». Возникновение либерального однополярного мира совпало с «третьей волной демократизации» и расцветом экономической глобализации. То есть признаки «конца истории» проявлялись сразу на нескольких уровнях, порождая уверенность, что он, наконец, наступил. Идеальное обоснование для сверхдержавной модели.

Во внешней политике Соединённых Штатов либерализм давно сосуществует с реализмом, теорией, которая ставит в центр интересы и их силовое сопровождение. Первый выполняет идеологическую и доктринальную роль. Второй компенсирует идеологические шаблоны прагматизмом и здравым смыслом. Дуализм идеологии и прагматики, между тем, чреват ловушкой: идеология из ширмы для прагматичных реалистов превращается в символ веры для множества дипломатов, учёных, журналистов, военных, бизнесменов и других представителей внешнеполитической элиты. Идеология способна стать той самой самодовлеющей ценностью, которая, в терминах немецкого учёного Макса Вебера, делает социальное действие ценностно-рациональным, а не целерациональным.

Проблема в том, что на фоне торжества «единственно верного» учения эффективный диалог между его сторонниками и приверженцами других взглядов о различных ценностях и попытках их гармонизации априори невозможен. Рост взаимного ценностного неприятия и отторжения во многом и привёл Москву к выводу, что «у нас не было выбора», военному исходу нет замены. Конфликтующие идейные установки и их интенсивная медийная ретрансляция не подразумевают никаких переговорных, мирных форматов урегулирования противоречий, они сочтены более невозможными. Вырождение дипломатии во взаимный троллинг стало фактом последнего десятилетия.

Все истекшие годы стороны не слышали друг друга не только из-за противоположных геополитических интересов, которые они отстаивали, но и в силу ценностных различий, помноженных на межличностное восприятие. В глобальном обществе и при наличии диктата универсализма изменился сам механизм формирования политических элит. Резкий рост ограничений в духе политкорректности трансформировался в тотальную «культуру отмены» тех, кто не вписывался во всё более догматические рамки господствующей политической культуры. Это происходило как на национальном уровне ведущих стран, так и в общемировом масштабе.

Когда приоритетами внешней политики объявляются не конкретные национальные интересы, а необходимость демократизации других стран, защита специфически понимаемых прав личности или достижение степени вовлечённости в глобальную рыночную экономику, идеология прямо

воздействует на восприятие внешней политики и постановку внешнеполитических задач. Можно перечислить целый ряд неудач, обусловленных описанным подходом, однако наиболее важное следствие – провоцирование соперничества великих держав. Идеологически мотивированную экспансию США и связанных с ними институтов в России, Китае и ряде менее крупных стран восприняли как откровенное давление с геополитическими целями.

После конца «конца истории»

Мировая политика быстро начала возвращаться в анархическое состояние³ с опорой на силовой компонент. «Конец истории» завершился восстановлением её привычного течения – слом мирового порядка происходит в результате крупномасштабных конфликтов между центрами силы.

Военный конфликт как движущая сила развития – возврат к эпохе до сверхдержавности. Но прежний механизм постоянной «отладки» баланса сил не восстановится. Хотя бы по той причине, что обилие игроков и многообразие факторов силы делают установление баланса практически недостижимым.

Происходящее сегодня остро ставит вопрос о трансформации системы ценностей. Она не может не измениться, если крупномасштабные военные конфликты возможны и даже неизбежны. Динамика трансформации ценностных подходов и будет определять отношение к происходящему как каждого отдельного человека, так и различных общественных групп. При анализе этого явления уместно обратиться к противопоставлению «героического» и «постгероического» обществ, в которых принципиально отличается восприятие военных конфликтов, уровень эмоциональной и ценностной сопричастности человека противостоянию.

Современное общество, сформировавшееся в относительно спокойный период гегемонии, руководствуется установками на расширенное потребление и отличается заведомой социальной демобилизованностью. То есть очевидным «постгероическим» состоянием. Это прежде всего относится к развитым странам, но по мере общего роста благосостояния в глобальной системе прослойка «постгероических» благоприобретателей росла практически повсеместно.

³ См., например: Тимофеев И. Новая анархия? Сценарии динамики мирового порядка. Доклад // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 18.07.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/novaya-anarkhiya/>

Конец гегемонии и возвращение войны как новой международной реальности не могут не влиять на любые индивидуальные стратегии. Военные действия, санкционное давление и нарастающие проблемы в мировой экономике стремительно размывают сложившуюся зону индивидуального и социального комфорта каждого. А ведь именно стремление к комфорту правомочно рассматривать в качестве несомненной ценности нашего потребительского века. И в рамках «постгероического» общества эта ценность определяет многие паттерны социального поведения, ожиданий и запросов.

Привычный уровень комфорта связан с благами, которые общества (либо их наиболее активная часть) извлекали из участия в глобализации.

Призывы правительств к сплочению и мобилизации, не исключительно в военном, а в широком смысле, перед лицом катаклизмов, сколь страстно они ни звучали бы, едва ли способны быстро изменить укоренившийся общественный настрой. Напротив, они зачастую вызывают обратный эффект и стремление найти потерянный космополитический оазис. Но новая система общественных ориентиров не будет универсальной, поскольку в условиях острого соперничества любой наднациональный нарратив воспринимается как инструмент противника.

Будущие механизмы международного управления не могут исходить из некой единой идейно-ценностной базы. Она не возникнет сама собой, поскольку культурная неоднородность мира чрезвычайно велика. А чтобы её навязать, нужна эффективная гегемония, которой уже не существует. Но в наступающем мире нет места и идеологическому противостоянию, потому что суть его – попытка доказать, что кто-то лучше других. А это просто бессмысленно в значительно более диверсифицированном международном сообществе, где каждый субъект прежде всего озабочен собственным выживанием и развитием в неблагоприятной внешней среде.

Распределённый мир

Итак, предстоящий исторический период будет сопровождаться конфликтами и, весьма вероятно, военными столкновениями, неизбежными в процессе формирования нового международного порядка. Система предохранителей, которая могла хотя бы сглаживать возникающие угрозы, жизненно важна для мировой безопасности. Но её не получится разра-

ботать, если не ответить на вопрос, поставленный выше: как обеспечить сбалансированное функционирование международной системы в отсутствие гегемона и иерархии?

Особенность момента состоит в том, что сверхдержавное доминирование США и их союзников, по сути, уже не работает, но вся мировая инфраструктура, которая его обслуживала, на месте. В результате мощная машина, созданная для «правильного» (в интересах гегемона) распределения благ и (всё-таки) содействия развитию, превратилась в механизм наказания претендентов на мировую власть или просто недовольных. Нецелевое использование ведёт к ускоренному износу системы, но и блокирует перспективы её трансформации во что-то соответствующее новым временам. Простая замена «оператора», как это случалось в прежние века (например, Соединённые Штаты вместо Великобритании), сейчас не поможет. Просто не получится это сделать.

Гипотетически следующим «кормчим» должен был бы стать Китай, однако этому есть сразу несколько препятствий. **Во-первых**, уступать своё место Пекину нынешний лидер категорически не намерен, и вся подконтрольная ему система, прежде всего финансово-экономическая, будет нацелена на противодействие этому. **Во-вторых**, КНР, кажется, совсем не готова и не собирается брать на себя бремя и риски. **В-третьих**, и это самое главное, структура мировой политики изменилась так, что принимать чью бы то ни было доминирование значимые государства просто не будут.

Тем не менее необходимость международного переустройства крайне остра, поскольку и мир в целом, и конкретные страны сталкиваются с большим количеством вызовов, включая экзистенциальные. Объективные процессы подводят к зарождению мировой системы, значительно больше опирающейся на региональные пространства. «Стягивание» стран, которые образуют пространственную общность, оптимизация (упрощение и укорачивание) производственно-логистических цепочек стали способом преодоления проблем, возникших из-за пандемии. Кризис, вызванный экономической войной Запада против России, также подчеркнул ценность взаимодействия, максимально защищённого от внешнего вмешательства. А это, в том числе, и географическая близость.

Опора на региональное взаимодействие, создание пространственных общностей способны решить проблемы развития небольших и средних стран, не имеющих собственного достаточного ресурса для развития. В составе региональных объединений у них появляется хороший шанс найти собственную нишу, воспользовавшись коллективным потенциалом и внося в него свой вклад.

Объединение стран по интересам и принципу взаимной дополняемости поможет со временем решить и главную сегодняшнюю проблему – ограничить эффективность инфраструктуры, выстроенной под сверхдержавную гегемонию, а в перспективе и отказаться от неё. Наиболее острый вопрос о зависимости всего мира от долларовой финансовой системы также легче решается в кругу нескольких заинтересованных стран, способных договориться между собой об альтернативной форме расчётов и торговле в обход сферы влияния США. В распоряжении Соединённых Штатов есть такой инструмент, как вторичные санкции, однако очевидное злоупотребление ими уже начинает расшатывать его эффективность.

В одном будущая система может быть похожа на сверхдержавную модель, как она была задумана: основную роль должна играть не военная сила, даже если общая военно-политическая напряжённость в мире на переходном этапе возрастёт. Военные конфликты, включая тот, который сейчас полыхает в Европе, – не признак построения нового порядка, а продукт дисфункции того, что существовал до сих пор. И хотя исправление перекосов мирового развития, как мы видим, может вести к применению военной силы, как таковая она не является и не должна являться решающим фактором в перспективе.

Демократизация международной среды требует соответствующей реакции – не подавления, а гармонизации интересов, уважения плюрализма мнений и оценок. Иерархия уступает место распределённому взаимодействию. Миру без сверхдержав потребуются система саморегулирования. А саморегулирование предполагает гораздо более высокую свободу действий, но и ответственность за них. Тогда от стадии окончательного осыпания мы в конце концов перейдем к следующему этапу – созидания.

 RuValdaitweets
 valdaiclub
 valdaiclub
 valdaiclubcom
 Международный
дискуссионный
клуб «Валдай»
admin@valdaiclub.com

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ